

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

ПОКОРЕНИЕ
ОГНЯ

18+

Алекс Серебров
Покорение огня

«Автор»

2026

Серебров А.

Покорение огня / А. Серебров — «Автор», 2026

Запах озона и горелого мяса — так пахнет мой страх. Я — Лия, «спящий вулкан», и за моей спиной сто метров выжженной в стекло земли. Инквизиция не берет магов в плен, она превращает их в пустые сосуды. Артур «Ворон» не верит в спасение. Он верит в сталь, надежность ловушек и условия контракта. Для него я — всего лишь опасный груз, который он взялся охранять за горсть золота. Нас ждут ледяная река, вонь городских коллекторов и жажда, которую невозможно утолить. Чтобы выжить, мне придется подчинить свой огонь и научиться убивать, а ему — вспомнить, каково это: закрывать женщину собой не ради денег, а ради следующего общего вздоха. На пепле старой жизни мы выжжем новую. Если, конечно, не сгорим раньше.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алекс Серебров

Покорение огня

Глава 1

Лия

– Лия. Дитя моё... дыши.

Чужие пальцы впиваются мне в плечо, будто вгоняют обратно в тело. Я глотаю воздух – и вместе с воздухом в горло лезет пепел. Кашель рвёт грудь, во рту вкус металла и гари. Я поворачиваю голову и вижу сначала сапог, потом колено, потом седую бороду, дрожащую от ветра.

Тимур смотрит на меня так, будто я – единственное, что уцелело. Но в его взгляде нет паники. Есть приказ.

– Вставай, – говорит он тихо. – Сейчас.

Сверху где-то сухо трещит – и обломок балки, догоревший до черноты, падает в пепел с глухим стуком. Я вздрагиваю всем телом, как от выстрела. Тишина тут же схлопывается обратно – ватная, неестественная. Даже звук падения кажется лишним, будто мир не должен звучать вообще.

Я пытаюсь опереться на локоть. Под ладонью – не земля. Стекло. Остекленевшая, мёртвая корка, хрустящая, как сахар. Она трескается паутинкой, и от этого хруста у меня сводит зубы.

Запах озона бьёт в нос, как после грозы. Только эта гроза пахнет горелым мясом.

Я поднимаю взгляд – и мир складывается в воронку.

Сто метров пустоты. Сто метров, где раньше были дома, голоса, собаки, дым от печей. Теперь – чёрная чаша, выжженная до стекла, с острыми краями, будто кто-то вырезал деревню из реальности и оставил лишь форму.

Я жива.

Это первая мысль. Вторая – невыносимая.

Все остальные – нет.

Я сглатываю – и горло тут же сжимает спазм. Внутри, под рёбрами, будто лежит камень: холодный, тяжёлый. Я знаю этот холод. Он приходит вместе со страхом. С тем самым страхом, который рвёт меня изнутри и превращает меня в...

Я резко отвожу взгляд от воронки. Ещё секунда – и меня вывернет на это стекло.

– Это... – голос не слушается. Он сиплый, взрослый, чужой. – Это я?

Тимур не отвечает сразу. Он оглядывается, как человек, который считает шаги до пропасти.

– Это случилось, – произносит он наконец. – И это уже не исправить.

«Не исправить». Будто речь о пролитой воде.

Меня обжигает злость на его спокойствие. На то, что он стоит, держит меня за плечо, и его пальцы не дрожат.

– Где... – я не могу назвать имена. Если назову – они станут настоящими. – Где все?

Он слегка наклоняет голову. Как наставник, который не хочет ломать ученицу, но всё равно ломает.

– Внизу, – говорит он. – И вокруг. Не смотри.

Я всё равно смотрю.

В пепле, на границе воронки, торчат обугленные балки. Скелеты стен. Куски того, что было чьей-то жизнью. Здесь – половина дверной рамы. Там – железная дуга от колодца, пере-

крученная, как проволока. А дальше... дальше лежит рука. Чёрная, сухая, неестественно лёгкая.

Тишина становится липкой. Я слышу только собственное дыхание и то, как у Тимура щёлкает кадык.

– Они придут, – говорит он. – Инквизиция.

Слово ударяет сильнее запаха гари.

Я закрываю глаза. В темноте вспыхивает память: я бегу, спотыкаюсь, кто-то держит меня за запястья. В груди – ледяная пустота. И потом... как будто внутри меня открывается дверь, и оттуда вырывается холодный ветер, который не спрашивает разрешения.

Я открываю глаза снова. Мир всё ещё здесь. Воронка – тоже.

– Я не... – выдавливаю я. – Я не хотела.

– Я знаю, – мягко говорит Тимур.

И эта мягкость пугает меня больше, чем «виновата». Мягкость – это повод продолжать.

Я поднимаюсь на ноги. Колени дрожат, но держат. Под сапогами хрустит стеклованная земля, и каждый шаг звучит как счётчик – секунды до их прихода.

– След, – говорю я. – Он есть.

Тимур кивает.

– Пепельный. Они идут по нему, как по дороге.

Я смотрю на свои руки. Кожа цела, но вся в саже. Ногти забиты чёрным. На кончиках пальцев на мгновение белеет тонкая изморозь – как дыхание зимы. Остаток того холода, который я выпустила.

Я рефлекторно сжимаю ладонь, пытаюсь спрятать это, будто можно спрятать себя.

– Не трогай силу, – произносит Тимур так же тихо, но уже без «дитя моё». – Ни искры. Ни тепла. Любой всплеск – как крик.

– Я ничего не делаю, – шепчу я.

– Ты уже почти сделала, – отвечает он и перехватывает моё запястье.

Хватка не грубая. Но железная. От этого прикосновения меня прошивает ясность: он следит за мной не меньше, чем Инквизиция будет следить по пеплу.

Я выдёргиваю руку.

– Плащ, – говорит Тимур и протягивает мне свёрток.

Тёмная ткань пахнет дымом и чем-то ещё – сухим, старым, как книги в подвале. Я беру плащ, и он тяжелеет в руках. Как ответственность.

– Скрывай волосы, – добавляет Тимур, и в голосе слышится то, что он обычно прячет за ласковостью. Приказ. – Твои медные волосы видно издалека.

Меня передёргивает. Не от холода. От того, что он прав.

– Они сделают из этого пример, – продолжает он почти шёпотом. – Придут, встанут в круг, будут тыкать копьями в обугленное. Будут рыться в мёртвых, искать имя. Искать тебя.

Внутри поднимается то, что не похоже на страх. Оно горячее. Оно злое.

– Я не дам им, – говорю я.

Тимур смотрит на меня внимательно, будто проверяет, не треснула ли я окончательно.

– Тогда действуй, – отвечает он. – Быстро.

Я делаю шаг к краю воронки – и тут же останавливаюсь. Воздух здесь другой. Густой. Как будто сам мир не хочет, чтобы я заходила внутрь.

– Не лезь глубоко, – предупреждает Тимур. – Там ещё может быть жар.

Я киваю, хотя не чувствую ничего, кроме холода внутри. Мой страх выжег всё и оставил после себя лёд. Даже сейчас.

Я опускаюсь на корточки и беру горсть пепла. Он просыпается между пальцами, лёгкий, как мука. В нём попадают кусочки стекла, острые, царапающие кожу.

– Ты должна понять, – говорит Тимур у меня за спиной. – Вины сейчас нет. Есть задача.

– Не говори со мной так, – вырывается у меня.

Он молчит секунду.

– Как?

Я сжимаю пепел в кулаке. Пепел не держится. Он уходит, оставляя грязь и пустоту.

– Как с оружием, – говорю я. – Как с вещью.

Тимур наклоняется. Его рука на мгновение касается моей спины – почти ласково. Но это не ласка. Это якорь.

– Ты – не вещь, – произносит он. – Ты – сосуд.

Меня мутит от этого слова.

– Сосуды не выбирают, что в них наливают? – спрашиваю я.

– Выбирают, – отвечает он спокойно. – Но не всегда сразу.

Я хочу врезать ему словами, чтобы он наконец дрогнул. Чтобы признал: то, что произошло, не «случилось», а вырвалось из меня и убило людей.

Но времени нет.

– Они найдут по вещам, – говорю я, заставляя себя думать. – По тому, что здесь было моим.

– И по волосам. По коже. По крови, если ты оставишь, – тихо отвечает Тимур.

Я автоматически прижимаю ладонь к предплечью под плащом, где под тканью скрывается старый ожог. Тело помнит чужие ремни и чужие иглы. Тело знает цену крови.

– У тебя есть что-то узнаваемое, – продолжает Тимур. – Что-то, что может назвать тебя вслух.

Я закрываю глаза. Вижу медальон. Тот, который мне дали в детстве. Смешно – в детстве я думала, что он защищает.

– Есть, – говорю я.

– Тогда заberi, – говорит Тимур. – И спрячь. Отдельно.

– Почему отдельно?

– Потому что если найдут одно, пусть не найдут всё, – отвечает он.

Логика холодная. Почти военная. И я ненавижу, что она мне подходит.

– Сколько у нас времени? – спрашиваю я.

Тимур прислушивается, и я повторяю за ним: напрягаю слух. Мир молчит. Даже птицы. Это молчание страшнее воя.

– Мало, – говорит он. – Если гончие уже взяли след, у нас не будет даже часа.

Слово «гончие» режет по нервам. Я не видела их. Но слышала истории: собаки, которые не устают. Люди в чёрном, которые не торопятся, потому что уверены – добыча уже их.

Я натягиваю плащ на плечи. Ткань цепляется за сажу на коже, и ощущение такое, будто я снова в чужих руках. У меня дрожат пальцы – не от холода. От того, что я удерживаю себя от магии. От простого желания сжечь всё ещё раз, чтобы ни костей, ни лиц, ни кукольных глаз.

Но это будет новый след. Новый крик.

Я заставляю себя дышать медленно. Вдох. Выдох. Грубо, через горло, через пепел.

Я иду вдоль края воронки, разглядывая пепел. Он кажется одинаковым – серым, бесконечным. Но глаза цепляются за детали.

Кусок ткани. Пряжка. Обгоревшая ложка.

И вдруг – кукла.

Она лежит на боку, словно её просто бросили. Платье сгорело до коричневой бахромы, пластмассовая кожа оплавилась, но лицо... лицо сохранило форму. Глаз – один. Второй вытек, оставив чёрную дырку.

У меня перехватывает горло так, будто кто-то затягивает на шее петлю.

Соседская девочка. Маленькая, вечно чумазая, с косичками. Она всегда бегала за мной и спрашивала, почему у меня волосы «как у лисы». Я отшучивалась. Я думала, это – жизнь.

Пепел под ногами вдруг становится тяжелее.

«Они придут», – бьётся мысль. – «Они возьмут эту куклу. Поднимут её на копьё. Скажут: вот, смотрите, что делает ведьма. Смотрите, как правильно бояться».

Воздух не проходит. В груди пусто и колет.

Я опускаюсь на колени. Колени ударяются о стеклованную землю, и боль помогает не распасться.

– Лия, – тихо зовёт Тимур.

– Я знаю, – отвечаю я, не поднимая головы. Голос ломается, но я не даю ему стать плачем.

– Я знаю.

Я беру куклу двумя пальцами, будто она заразная. Она лёгкая. Слишком лёгкая.

Рядом обвалившаяся балка, под ней – трещина в стекле, уходящая вниз, как рана. Туда можно спрятать.

Я достаю обрывок ткани – не новый, не чистый. Просто кусок, который нашёлся на моём плече, когда я поднялась. Возможно, это был чей-то рукав. Я не думаю об этом.

Заворачиваю куклу. Пальцы не слушаются, ткань цепляется за оплавленные края. Я делаю вдох. Ещё один.

– Быстрее, – шепчет Тимур.

– Не трогай, – отрезаю я.

Он замолкает.

Я опускаю свёрток в трещину под балкой. Проталкиваю глубже, чтобы не было видно. Потом набираю пепла и осколков и засыпаю сверху, выравнивая поверхность ладонью. Пепел липнет к коже, забивается под ногти, как будто хочет остаться со мной навсегда.

– Пора, – говорит Тимур и кладёт ладонь мне на плечо.

От этого прикосновения меня бросает в дрожь. Он стоит слишком близко. Он знает, что я делаю, и ему это нужно.

– Ещё не всё, – отвечаю я.

Я поднимаюсь. В боку тянет, как после удара. Голова лёгкая, будто я потеряла кровь, хотя крови нет.

Я ищу глазами то, что может назвать меня по имени.

У края воронки, там, где когда-то была наша дверь, я замечаю металлический блеск. Подхожу. Под сапогами хрустит стекло, и каждый шаг звучит слишком громко.

В пепле лежит медальон.

Мой.

Круглый, с простым узором, который знают в нашем краю. Узнаваемый. Узнаваемый настолько, что его не нужно даже показывать – достаточно назвать.

Я поднимаю его. Он горячий – будто помнит огонь. Цепочка порвана. На внутренней стороне – маленькая вмятина от моего ногтя. Я глотаю воздух, и на секунду мне кажется, что я снова маленькая, что мама застёгивает цепочку и говорит: «Не теряй. Он о тебе расскажет».

Он расскажет.

Я сжимаю медальон в кулаке так, что металл впивается в кожу.

– Тимур, – говорю я.

– Да, дитя моё?

– Не называй меня так, – произношу я, и сама удивляюсь, как спокойно это звучит.

Тимур смотрит внимательно. В его глазах – вопрос. И что-то ещё. Не обида. Оценка.

– Хорошо, Лия, – отвечает он.

Я киваю. Это маленькая победа. Но победы здесь не держатся.

Я ищу место, где можно спрятать медальон. Не рядом с куклой. Отдельно.

В стеклованной земле есть трещина – тонкая, как волос. Я опускаюсь, просовываю туда медальон, проталкиваю дальше кончиком ножа, который нахожу в пепле – чужого, безымянного. Металл скребёт стекло. Звук мерзкий. Но медальон уходит внутрь, исчезает.

Я засыпаю трещину пеплом, стараясь сделать всё так, будто здесь ничего не трогали.

И только потом замечаю то, от чего внутри у меня снова поднимается ледяная волна.

Рядом, в пепле, лежит тонкая лента. Обгоревшая, но узнаваемая по цвету – тёмно-синяя. Моя. Я когда-то перевязывала ею волосы, чтобы медь не бросалась в глаза на солнце. На конце – крошечный узелок, который я всегда завязываю одинаково. Привычка – тоже улика.

На ленте налипло несколько медных волосков. Они блестят даже здесь. Даже среди пепла.

Я сжимаю зубы так, что болит челюсть. Хочется вспыхнуть. Одним движением превратить эту нитку и эти волоски в ничто.

Но я не имею права.

Я поднимаю ленту, отрываю от неё волоски ногтем – по одному, до боли, до крови под кожей. Сдираю их и прячу в кулак. Потом нахожу плоский камень, давяю волоски между камнем и стеклом, пока они не перестают быть похожими на волосы. Это глупо, мелко, грязно. Но это не магия.

Ленту я рву на две части. Одну – запихиваю в ту же трещину, где спрятан медальон, глубже. Вторую – бросаю в пепел в другом месте, чтобы она потерялась среди чужого.

– Ты понимаешь, что это не спасёт навсегда? – тихо спрашивает Тимур.

– Я понимаю, – отвечаю я. – Но это спасёт от шоу.

Он кивает, как будто именно этого и ждал.

Ветер поднимает пепел, и он стелется по земле низко, не решаясь подняться выше. Небо над руинами серое, сумеречное. Солнце где-то есть, но не здесь.

Я натягиваю капюшон. Плащ падает на лицо, прячет волосы, прячет меня. На секунду я почти благодарна ткани.

Тимур делает шаг вперёд, показывая направление – к дороге, к пустошам, к неизвестному.

– Веди, – говорю я.

Голос сухой. Взрослый. Такой, каким я ещё утром не умела говорить.

– Я не дам им превратить это в шоу.

Мы делаем первый шаг прочь от воронки.

И тогда, далеко, за серой линией холмов, раздаётся вой.

Гончие.

Глава 2

Артур

– Ты Ворон? – спрашивает старик, и голос у него такой мягкий, будто он предлагает мне тёплый хлеб.

Я не поднимаю взгляд сразу. Даю паузу – ровно настолько, чтобы он почувствовал, кто здесь решает, кому и когда отвечать. Пальцами веду по кромке кружки. Дерево стола липнет к коже, как свежая смола, только пахнет не лесом, а кислым элем и чужими руками.

– Зависит от того, кто спрашивает, – говорю я.

В таверне «Кривой Топор» полумрак держится за углы, как крыса за крошки. Дым от табака висит низко, прижимая головы к столам. Слышно, как кто-то давится смехом, как скребут по полу сапоги, как под столом шуршит солома, набитая в щели вместо нормальных досок.

Мне нравится это место ровно по одной причине: здесь у каждого есть что скрывать. И никто не задаёт вопросов, если ты отвечаешь взглядом.

Старик стоит напротив, не садится. Значит, пришёл не пить.

За его спиной – девушка. В плаще с капюшоном, слишком большом для её плеч. Она держится чуть в стороне, как будто ей не место рядом с ним, и всё равно тень от неё отрезает мне кусок света.

Я ловлю запах первым – озон и гарь. Не тот, что от кузницы или пожара на окраине, а сухой, резкий, будто воздух разрядили прямо в комнате.

Маг.

Слово всплывает в голове спокойно, без эмоции. Как отметка на карте: здесь трясина, туда не лезь.

Я всё же поднимаю взгляд.

Седина у старика аккуратная, борода ровно подстрижена. Хромота – настоящая или хорошо сыгранная, пока не ясно. Лицо – добродушное, но глаза слишком внимательные. Такие смотрят не на людей, а на слабые места.

Девушка не показывает лица. Но я вижу кусочек кожи на шее, белой на фоне тёмной ткани, и то, как её пальцы сжимают край плаща, будто она держит себя на месте.

– Тимур, – представляется старик. – Мне сказали, ты берёшься за сложные дороги.

– Сложные дороги стоят сложных денег, – отвечаю я.

Я слышу собственный голос со стороны: ровный, чуть хриплый, будто я родился в этом дыму. На самом деле у меня внутри всегда одна и та же картинка – дорога, на которой тебя могут ждать за любым камнем. Мир давно перестал быть местом, где ты просто идёшь.

Сзади кто-то громко ставит кружку на стол. Звук резкий. Металлический.

На мгновение у меня сжимается всё внутри – как будто снова ударили по щиту рядом с ухом, и мир на секунду превращается в белую вспышку. Я чувствую это телом: плечи поднимаются, челюсть сводит, сердце бьётся быстрее.

Я моргаю. Один раз. Второй.

Ладонь сама, без приказа, скользит под стол – к ножу. Пальцы касаются рукояти. Дерево знакомое, тёплое от моего тела. Я держусь за это ощущение, возвращаю себя обратно.

– У тебя дрогнула рука, – говорит Тимур, будто замечает случайно.

– У меня всегда дрогнет рука, если рядом слишком шумно, – отвечаю я. – Садись. Если пришёл торговаться – садись.

Он садится. Девушка остаётся стоять.

Я не предлагаю ей место. Не из грубости. Из протокола. Чем меньше она занимает пространства, тем проще мне контролировать, что она делает.

Я бросаю быстрый взгляд по таверне.

Два выхода: один в общий зал, другой – в кухню, где пахнет жиром и луком. Окно у стойки заклеено бумагой, но я знаю: одним ударом локтя его можно открыть. Под стойкой у хозяина всегда есть дубина. У половины посетителей – ножи. У четверти – привычка лезть туда, куда не зовут.

А в дальнем углу сидит человек в тёмном, слишком чистом для этой дыры. Не смотрит на женщин. Не пьёт. Просто держит кружку и слушает. Лицо выбрито аккуратно.

Я не называю это словом «Инквизиция». Я просто фиксирую: лишние уши.

– Твоя спутница может снять капюшон, – говорю я ровно.

Девушка едва заметно дёргается.

– Не может, – отвечает Тимур. – Это... необходимость.

Я хмыкаю.

– Необходимость обычно пахнет так, будто за вами бегут, – говорю я. – И, судя по запаху, бегут не просто люди.

Тимур смотрит на меня поверх кружки. Его улыбка остаётся мягкой.

– Ты чувствуешь запахи, – произносит он. – Хорошо. Значит, ты понимаешь, что нам нужен профессионал.

Мне хочется сказать: «Мне нужен не ваш ад, а деньги». Но я уже давно не говорю лишнего. Лишнее слово – как лишний шаг в тёмном коридоре.

– Сколько? – спрашиваю я.

Тимур кладёт на стол кошель.

Звук золота – самый честный звук на свете. Он не обещает, он просто есть.

Я смотрю на кошель и сразу понимаю: там мало. Последнее. Старик принёс не оплату, а надежду. У надежды всегда пустые карманы.

Девушка делает шаг ближе – на полступни – и тут же замирает. Она не приближается ко мне, она приближается к кошелью. Как будто этот кусок кожи и шнурков держит её на ногах.

Я замечаю её руку.

Тонкие пальцы. Ногти коротко обрезаны. На суставе – след ожога или старого шрама. И дрожь.

Не истерика. Не страх толпы. Другая дрожь – ровная, сдержанная, будто она держит в ладони что-то очень тяжёлое и не имеет права уронить.

Контроль.

Значит, маг не слабый. Значит, маг опасный.

И ещё одна вещь: опасные обычно ведут себя иначе. Они давят. Она – удерживает. Как будто боится не меня. Боится себя.

Я медленно отодвигаю кружку в сторону, освобождая место на столе.

– Садись, – говорю я девушке.

Она не садится. Но её голова чуть наклоняется, будто она слышит команду и решает, выполнять или нет.

Тимур берёт кошель двумя пальцами и подталкивает ко мне.

– Всё, что у нас есть, – говорит он.

Я не трогаю кошель. Пока.

– И что мне за это? – спрашиваю я. – Помимо риска оказаться в петле рядом с вами.

– Жизнь, – мягко отвечает Тимур. – И правильная сторона.

Я усмехаюсь.

– Я на правильной стороне до тех пор, пока мне платят, – говорю я. – Остальное – сказки.

– Ты циничен, – произносит Тимур.

– Я жив, – отвечаю я.

Он слегка наклоняется вперёд.

– Девушке нужна защита. Она... особенная.

Я смотрю на капюшон. На то, как ткань дрожит у её губ от дыхания.

«Особенная». Слишком удобное слово. Им обычно прикрывают проблемы.

– Имя, – говорю я.

– Она не назовёт, – мягко отвечает Тимур.

– Тогда я не поведу, – отвечаю я.

Девушка резко поднимает голову.

– Не надо, – говорит она Тимуру.

Голос низкий, хриплый – будто она давно не говорила. И слишком взрослый для тех, кто обычно прячется под капюшонами.

– Имя – это повод держать меня на поводке, – продолжает она. – Ему не нужно.

Я чувствую, как у меня внутри что-то шевелится. Не жалость. Интерес.

Она умная. Или травмированная настолько, что научилась думать прежде, чем дышать.

– Мне нужно не имя, – говорю я. – Мне нужно понимать, за что меня будут убивать.

Тимур кладёт ладони на стол. Пальцы у него спокойные.

– За дорогу, – отвечает он. – Мы должны уйти из этого края.

Я почти смеюсь.

– За дорогу меня убивают каждый день. Это не информация.

Девушка делает шаг в сторону, чуть ближе к столу. И я вижу на секунду – под капюшоном – прядь медных волос. Она тут же прячет её, будто это нож.

Медные.

Такие в толпе заметны даже в темноте.

Старик говорил про «особенную»? Да. Теперь я понимаю, что он хотел спрятать.

– Сколько людей вас ищет? – спрашиваю я.

Тимур медлит.

– Достаточно, – отвечает он наконец.

Слишком расплывчато. Я не люблю расплывчатое. От расплывчатого умирают.

– У вас есть хвост? – спрашиваю я.

– Есть след, – произносит девушка неожиданно.

Я смотрю на неё.

– Какой? – спрашиваю.

Она молчит секунду, как будто решает, сколько правды мне продать.

– Пепельный, – говорит она.

Слово бьёт по носу так, будто кто-то снова втоптал в зал запах гари и озона, только теперь он в моей голове.

Пепельный след – это не «мы украли у купца мешок муки». Это катастрофа.

Я чувствую, как шрам под ключицей – старый, давно заживший – начинает ныть, будто его трогают изнутри. Тело помнит магию. Даже когда я пытаюсь забыть.

– Пепельный... – повторяю я. – Значит, вы не просто бежите. Вы оставляете на земле дорожку, по которой можно идти с закрытыми глазами.

– Поэтому нам нужен ты, – мягко говорит Тимур.

– Поэтому вам нужно чудо, – отвечаю я.

И всё же я смотрю на кошель. На свои сапоги. На свои пальцы, которые уже давно считают не молитвы, а монеты.

У меня в комнате на съёмной койке лежит старый ремень. На нём ещё вчера треснула пряжка. Я мог бы купить новую. Если бы у меня были деньги.

Я не герой. Я просто устал быть бедным.

– Двойной тариф, – говорю я.

Тимур не морщится. Только его глаза становятся чуть холоднее.

– У нас нет двойного, – отвечает он.

– Тогда у вас нет меня, – говорю я.

– Ты понимаешь, что если ты откажешь, она умрёт? – тихо спрашивает Тимур.

Это давление. Мягкое. Грязное.

– Я понимаю, что если я соглашусь, мы можем умереть все трое, – отвечаю я. – И разница только в том, кто из нас будет мёртвым с чистой совестью.

Молчание растягивается. В таверне кто-то ругается, кто-то хлопает по столу. Хозяин косится на нас и делает вид, что протирает кружки, хотя кружки давно не становятся чище.

Девушка вдруг делает шаг вперёд. Не резко. Точно.

Её рука тянется к кошельку – и на половине движения застывает. Пальцы дрожат сильнее. Как будто она удерживает не кошелек, а то, что может вырваться из неё вместе с этим движением.

Я вижу, как у неё ходит горло. Она глотает воздух. Плечи напрягаются, словно она сейчас либо упадёт, либо ударит.

Сорваться может прямо сейчас.

И я делаю то, что делаю на войне, когда рядом человек с гранатой без чеки.

Я накрываю её ладонь своей.

Без боли. Но так, чтобы она почувствовала вес. Чтобы она почувствовала границу.

Тёплая кожа под моими пальцами – и под этой теплотой дрожь, как ток по проводу. Не магия наружу. Пока только предупреждение.

Она вздрагивает всем телом и поднимает на меня взгляд. Янтарные глаза – близко, слишком близко. В них не просьба.

В них – «попробуй».

Я держу её руку, не сжимая сильнее.

– Мои правила, – говорю я тихо.

Тимур напрягается.

– Какие? – спрашивает он.

– Простые, – отвечаю я, не отрывая взгляда от девушки. – Вы не исчезаете из поля зрения. Никаких «я отойду на минуту». Никаких ночных прогулок в кусты без меня.

Тимур моргает.

– Это унижительно, – произносит он.

– Это безопасно, – отвечаю я.

Я чуть смещаю ладонь, ощущая её запястье.

– Ты, старик, не лезешь командовать мной. Я выбираю дорогу, я выбираю привалы, я решаю, когда мы молчим, когда говорим.

Я вижу, как у Тимура чуть подрагивает уголок рта. Он не привык, что с ним разговаривают так.

– А ты... – продолжаю я и обращаюсь к девушке напрямую, намеренно игнорируя старика. – А ты, если тебя накрывает, говоришь заранее. На секунду раньше, чем станет поздно.

Её губы под капюшоном чуть расходятся, будто она хочет ответить сразу, но слова не выходят. Она будто проверяет себя: сможет ли вообще признаться вслух, что она – угроза.

– И ещё, – добавляю я. – Никаких всплесков в дороге. Никаких «я подсвечу», «я согрею», «я отпугну». В темноте мы терпим холод. В голоде мы терпим голод. Всё, что выдаёт вас – убираем.

Девушка сглатывает.

– Я стараюсь, – шепчет она.

И вот это, чёрт возьми, звучит не как оправдание. Как признание.

– Двойной тариф – это не торг, – говорю я. – Это страховка. Нарушишь правила – свяжу и выведу из зоны риска. Сама пойдёшь. Или я понесу. Но ты будешь молчать.

Я намеренно говорю «свяжу». Пусть услышит, что я не играю.

Девушка не отводит взгляд. Я вижу, как у неё дрожит ресница.

– Ты меня не знаешь, – говорит она наконец.

– И не хочу знать, – отвечаю я. – Я хочу довести вас до точки и остаться живым.

– Договорились, – произносит она.

Сухо. Чётко.

Я отпускаю её ладонь.

Дрожь не исчезает сразу, но она будто собирается. Уходит внутрь. Как зверь, которого загнали обратно в клетку.

Тимур медленно выдыхает.

– Мы найдём способ доплатить, – говорит он.

Я беру кошель.

Он лёгкий. Слишком лёгкий.

– Не найдёте – я всё равно уйду, – говорю я. – Потому что я не благотворительность.

– Куда? – спрашивает Тимур.

– Куда вы скажете, – отвечаю я. – Но сначала я скажу свои условия по дороге.

Я замолкаю и смотрю на дальний угол, где сидит слишком чистый человек. Он не смотрит на нас, но у меня чувство, будто нож касается кожи через ткань.

– И ещё, – добавляю я, понижая голос. – Вы говорите здесь мало. И уходите не вместе.

Тимур вскидывает брови.

– Что?

– Ты выйдешь первым, – говорю я. – Пойдёшь к мосту. Она выйдет через пять минут. Я – через десять. Если кто-то пошёл за вами, я это увижу.

– Это паранойя, – произносит Тимур.

– Это профессия, – отвечаю я.

Я поднимаюсь. Доски под ногами скрипят. Я беру плащ со спинки стула и накидываю на плечи. Привычное движение – как броня.

Девушка чуть отступает, давая мне пройти. Я чувствую её запах снова – озон, гарь и что-то едва уловимое, человеческое. Тёплая кожа. Страх, который она держит зубами.

Я останавливаюсь рядом, достаточно близко, чтобы она слышала только меня.

– Выходим через час, – говорю я.

Она не кивает. Просто стоит. Но я вижу, как у неё напрягается шея.

– И ещё, – добавляю я. – Если тебя начнёт рвать изнутри... кричи заранее. Мне нужен секундный люфт.

Она чуть приподнимает подбородок.

– Ты боишься, что я испачкаю тебе сапоги? – спрашивает она.

Сарказм. Острый. Не детский.

Я почти улыбаюсь. Почти.

– Я боюсь, что ты сожжёшь мне плащ, – отвечаю я.

И наклоняюсь ближе, чтобы это было не для Тимура, не для таверны – только для неё.

– Мой плащ мне дорог. А твоя жизнь – товар по контракту.

Её дыхание цепляет мою щеку теплом. На секунду.

И в эту секунду я понимаю: я только что впустил в свою жизнь проблему класса А.

И если я ошибся хоть на один шаг – мне этого шага хватит, чтобы умереть.

Глава 3

Лиля

Я спотыкаюсь о камень, которого секунду назад не было, и мир врзается мне в голень тупой болью.

– Не останавливаться! – рявкает Артур, даже не оборачиваясь.

Тимур ловит меня за локоть, но сам едва удерживает равновесие – хромая нога уходит в осыпь, плечо дёргается, и я понимаю: если я сейчас повисну на нём, мы оба рухнем в пыль.

Я вырываю руку.

– Я иду, – говорю я сквозь зубы.

Солнце бьёт в глаза так, будто хочет выжечь из меня остатки стыда. Пустоши дышат жаром: камни раскалены, воздух дрожит над ними, и эта дрожь будто проходит по моей коже, по нервам, по тем местам внутри, где страх любит искать щель.

Пыль на зубах – как наказание. Я сглатываю, ощущая, как горло сухое, будто туда насыпали песка. Пахнет горячим камнем, пылью и потом. Никаких деревьев, никакой тени – только редкие колючие кусты, которые цепляются за одежду, как злые пальцы.

Я стараюсь дышать носом, чтобы не глотать пыль, но нос забит, и каждый вдох всё равно царапает. В ушах стучит кровь. А под этим стуком – другая память: ватная тишина руин и вой, который догоняет даже когда ты ещё не слышишь его в реальности.

Я гоню эту память прочь. Потому что если я позволю себе представить погоню – страх поднимется. А страх – это не просто эмоция. Страх – это дверь.

Артур идёт впереди легко, как хищник. Плащ на его плечах почти не колышется, шаги короткие, экономные. Он не вертит головой зря, не говорит лишнего. Иногда лишь чуть поворачивает подбородок, будто слушает небо.

Я смотрю на его спину и ненавижу это спокойствие.

Потому что я так не умею.

Я тащу себя вперёд на чистом упрямстве. Ноги гудят. Ступни горят. И это не метафора: кожа на пятках содрана, и каждый шаг – как по стеклу, только теперь стекло внутри меня.

Я молчу. Не потому что мне не больно.

Потому что если я скажу хоть слово слабости, это слово станет правдой.

Тимур дышит тяжело. Он старается не показывать, но его грудь ходит быстрее, чем нужно для обычного шага. Он то и дело откашливается, будто пыль застряла глубоко.

Артур это видит. Я вижу, как он чуть смещает траекторию, выбирая камни так, чтобы старик не вывихнул ногу. И от этого мне хочется одновременно выругаться и... не знаю. Укусить себя за язык, чтобы не вырвалось спасибо.

– Темп, – бросает Артур через плечо.

Как будто мы – солдаты. Как будто мы – его отряд.

Я стискиваю зубы сильнее и ускоряюсь. Пальцы сами тянутся к краю плаща, чтобы подтянуть капюшон ниже. Медные волосы под тканью зудят, как предательство. Я ненавижу их сейчас. Ненавижу, что они вообще существуют.

И ещё я ненавижу то, что тело живёт своей жизнью: пальцы иногда холодеют, как перед ознобом, хотя вокруг жара. На коже выступает липкий пот, и под ним – мурашки. Это не от погоды. Это от контроля. Я держу в себе то, что хочет вырваться на любую искру эмоции.

Ещё один шаг.

Ещё.

И снова камень. На этот раз подламывается не только нога – подламывается терпение.

Я спотыкаюсь, воздух режет лёгкие, и Тимур снова пытается подхватить меня.

– Лиля, осторожнее...

– Не трогай, – вырывается у меня.

Я не позволяю себе повиснуть. Вокруг слишком открыто. Любое падение – не просто позор. Падение – это остановка.

А остановка, по логике Артура, равна смерти.

– Не останавливаться, – повторяет он. Уже тише, но от этого хуже: тише – значит, уверен. Я делаю три быстрых шага вперёд и встаю прямо на его пути.

Пыль оседает на губах. Сердце бьётся в горле. Я чувствую, как под кожей нарастает жара – не от солнца. От злости.

Артур останавливается мгновенно. Он не врезается в меня, не толкает – просто замирает, как зверь перед прыжком.

Его глаза серые. Мёртвые. От них не ждёшь сочувствия.

– Что, – говорит он. Одно слово. Команда.

– Если я упаду, – отвечаю я, и голос у меня сиплый, но ровный, – ты потащишь меня на себе.

Он не моргает.

– Потащу.

– И старика тоже? – я киваю на Тимура, который стоит позади и пытается дышать так, будто всё нормально.

Артур чуть смещает взгляд.

– Его – в последнюю очередь, – говорит он.

Тимур поджимает губы.

– Мы не можем замедляться, – мягко произносит он. – Дитя мо... Лия, нам нужно...

– Не надо, – обрываю я.

Слова Тимура всегда липкие. Они обволакивают. Я не хочу сейчас вязнуть в его заботе, потому что забота – это тоже повод подчиниться.

Я снова смотрю на Артура.

– Тебе это надо, наёмник? – спрашиваю я. – Потащить меня на себе, пока ты сам не сдохнешь под солнцем?

Его рот дёргается. Не улыбка. Тень раздражения.

– Ты думаешь, я не умею рассчитывать вес? – спрашивает он.

– Я думаю, ты любишь приказы больше, чем результат, – отвечаю я.

Это дерзость. Я знаю.

Но дерзость – единственное, что у меня осталось, кроме страха.

Артур делает полшага ближе. Я не отступаю. Солнце печёт макушку даже через ткань, пот стекает по спине, и мне кажется, что сейчас он скажет что-то такое, от чего я сломаюсь.

Он опускает взгляд.

Не на моё лицо. Ниже.

На землю.

Я тоже опускаю взгляд – и вижу то, что пыталась не видеть: тёмные пятна на пыли, цепочка влажных отпечатков, как след раненого зверя.

Моя кровь.

Ступни горят, и теперь я понимаю почему. Я не просто стерла кожу. Я оставляю за собой след.

Глупый, мелкий, человеческий.

Я сглатываю.

Артур смотрит на пятна долго. Потом поднимает глаза обратно.

– Привал, – говорит он.

Я не сразу верю.

– Что? – выдыхает Тимур.

– Десять минут, – повторяет Артур. – Но только ради старика.

Он произносит это так, будто делает одолжение не нам, а самому себе.

Я чувствую, как внутри у меня вспыхивает злость – и вместе с ней что-то опасное, знакомое. Тепло под кожей. Живое.

Я тут же давлю его дыханием.

Вдох.

Выдох.

Стоп.

Артур разворачивается и идёт к маленькому выступу камня, который даёт хоть какую-то тень – тонкую, как ложь. Тимур медленно опускается на камень рядом, осторожно, берега ногу.

Я остаюсь стоять ещё секунду, потому что если сяду, я могу не встать.

Но ноги всё равно подкашиваются. Я приседаю на корточки, пряча ступни в пыль, будто пыль может спрятать кровь.

Тимур достаёт флягу.

– Пей, – говорит он.

– Позже, – отвечаю я.

Не потому что не хочу. Потому что пить – значит признать, что мне нужно.

Артур уже обходит периметр, даже здесь, посреди пустошей, будто в этих камнях может прятаться целая армия. Он проверяет взглядом линии, тени, кусты. Привычка профи. Или параноя.

Я ловлю себя на том, что слежу за ним слишком внимательно.

Ненавижу это.

– Ты упрямая, – говорит Тимур тихо.

– Я не груз, – отвечаю я прежде, чем успеваю подумать.

Слова звучат резко. Чужими. Но это правда, за которую я цепляюсь.

Тимур смотрит на меня, будто хочет что-то сказать – мягкое, правильное, опасное.

Артур возвращается.

– Через пять минут идём, – бросает он.

– У тебя сердце из камня, – не выдерживает Тимур.

Артур даже не смотрит на него.

– Сердце из камня не потеет, – отвечает он. – Вставайте.

Я резко поднимаю голову.

– Мы ещё не отдышали, – говорю я.

– Ты уже отдышалась, – отрезает он.

– Ты не знаешь, что у меня под ногами, – говорю я.

Он смотрит на меня так, будто я только что сказала глупость.

– Я знаю, – отвечает он. – Я видел.

И от этой спокойной констатации мне становится хуже, чем от любого ора.

Потому что он видел мою кровь.

Видел – и всё равно решил, что можно идти.

Мир качается. Не от жара – от злости.

Я встаю. Резко. Слишком резко.

– Ты хочешь, чтобы я умерла по дороге? – спрашиваю я.

Артур молчит секунду. Потом произносит:

– Я хочу, чтобы ты не умерла в руках тех, кто идёт за вами.

Слова простые. И от этого они бьют точно.

Я открываю рот – и закрываю. Потому что у меня нет ответа. Я не знаю, кто идёт. Я знаю только запах. Озон. Гаря. Вой.

Но я знаю другое.

– Если я упаду, – повторяю я, уже тише, – ты потеряешь время.

– Потеряю, – соглашается он.

– Тогда почему...

Он делает шаг ближе и обрывает меня взглядом.

– Потому что ты молчала, – говорит он. – До крови. Это глупо.

– Это не глупо, – вспыхиваю я. – Это... это единственное, что у меня осталось.

Сказать «гордость» я не могу. Гордость звучит как украшение. У меня не украшение. У меня – костыль.

Артур смотрит на меня ещё секунду, и в этой секунде я чувствую: он сейчас решает не про темп. Про меня.

– Десять минут было, – говорит он наконец. – Ещё две. Потом идём.

Он не улыбается. Не становится мягче.

Но он уступает.

Я ненавижу, что мне от этого хочется выдохнуть.

Я опускаюсь снова, осторожно, и снимаю сапоги.

Кожа на пятках содрана пластами. Носки прилипли к ранам. Я сжимаю ткань пальцами и медленно отрываю, чтобы не застонать.

Боль вспыхивает белым.

Я глотаю её, как пепел в горле.

Тимур тянется ко мне.

– Дай, я...

– Не надо, – говорю я.

Я не хочу, чтобы он касался. Его прикосновения всегда имеют цену.

Я достаю из кармана узкую полоску ткани – обрывок, который забрала ещё вчера, на всякий случай. перевязка получается грубой, неровной. Но это лучше, чем кровь на пыли.

Артур стоит рядом. Я чувствую его тень, даже когда не смотрю.

– Перевязывай плотнее, – говорит он.

Я поднимаю глаза.

– Ты теперь ещё и лекарь?

– Я теперь тот, кто тащит вас живыми, – отвечает он. – Слишком свободно – натрёшь сильнее.

Его тон сухой. Но в нём нет издёвки. Есть опыт.

– Ты умеешь терпеть, – добавляет он.

Это звучит почти как похвала.

Я хмыкаю.

– Ты умеешь приказывать.

Он смотрит на меня, и на секунду мне кажется, что в его мёртвых глазах что-то шевелится. Не тепло. Не мягкость.

Признание.

– Значит, мы полезны друг другу, – говорит он.

От этих слов у меня внутри что-то ёкает. Неприятно. Потому что полезность – это тоже цепь. Просто другая.

– Время, – произносит Артур.

Я натягиваю сапоги обратно. Ткань давит на перевязку, и боль снова кусает. Я поднимаюсь, чувствуя, как ноги становятся чужими.

Мы идём.

Пустоши тянутся бесконечно. Солнце висит прямо над головой, и кажется, что оно не движется. Каждый шаг – договор с собой: ещё один, и потом ещё один.

Артур иногда замедляется на секунду – не для нас, нет. Он просто смотрит на линию горизонта, будто читает по ней.

Я пытаюсь делать так же. Смотреть вперёд, не думать. Но мысли лезут.

Если за нами идут...

Если они найдут тот пепел...

Если они найдут кровь...

Я резко обрываю себя. Кровь – мой страх. Страх – хаос. Хаос – воронка.

Я дышу.

Вдох.

Выдох.

Держи.

Через какое-то время Артур останавливается у небольшого каменного уступа.

– Вода, – говорит он.

И бросает флягу мне.

Я не успеваю. Руки заторможены болью и усталостью. Фляга летит прямо в лицо.

Я рефлекторно отдёргиваюсь – и в ту же секунду Артур перехватывает флягу в воздухе у самого моего носа.

Быстро. Точно.

Его пальцы скользят по моей щеке – случайно. Секунда касания, но кожа вспыхивает так, будто он приложил к ней раскалённое железо.

Я замираю.

Он тоже.

Я вижу его руку близко – грубую, с мозолями, со старым шрамом на костяшке. И вижу, как он на мгновение сжимает пальцы сильнее, будто хочет отдёргивать их не только от моей кожи, но и от самого факта, что прикоснулся.

Артур резко убирает руку.

– Держи, – говорит он и протягивает флягу уже спокойно.

Я беру. Пальцы дрожат.

Не от воды.

Я пью маленькими глотками. Вода тёплая, с привкусом кожи и металла. Но она всё равно – жизнь.

– Не геройствуй, – говорит Артур.

– Я не геройствую, – отвечаю я, не глядя на него.

– Ты геройствуешь молча, – произносит он.

Я скидываю взгляд.

– Тебе нравится, когда я молчу?

Он смотрит на меня так, будто я поддела его ножом.

– Мне нравится, когда ты предупреждаешь, – отвечает он. – Это дешевле.

Я хочу сказать что-то язвительное, но слова застревают.

Потому что «дешевле» – это не про монеты.

Это про кровь.

Тимур идёт чуть позади и молчит слишком внимательно. Я чувствую его взгляд на затылке, как влажную ладонь. Он как будто взвешивает каждое слово Артура, каждую мою вспышку – и откладывает в какую-то внутреннюю коробку, чтобы потом, в нужный момент, достать и назвать это «уроком».

Мне хочется оглянуться и сказать ему: не смей.

Но я не оглядываюсь. Не даю ему этого.

Мы идём дальше.

Щека там, где были пальцы Артура, всё ещё горит. Я ловлю себя на том, что то и дело касаюсь этого места краем рукава, будто проверяю: он правда дотронулся или это очередная игра усталого мозга.

Он мог бы бросить флягу Тимуру. Или мне под ноги. Он мог бы дать мне промахнуться и потом сказать: «сама виновата». Это было бы в его стиле.

Но он перехватил.

Спас от удара – не от смерти, не от погони, а от мелкого, унижительного удара в лицо. И от этого у меня в груди становится тесно.

Я чувствую взгляд Артура на своей спине иногда – как прикосновение без рук. Чувствую, как он замечает, когда я прихрамываю сильнее. Он не спрашивает. Он не предлагает помощь.

Он просто держит темп так, чтобы мы не умерли.

И это бесит.

Потому что я должна была ненавидеть его легко. За грубость, за приказы, за то, что он смотрит на меня как на опасность.

А он смотрит... иначе.

Как на задачу, которую нужно выполнить. И всё равно – не даёт мне упасть.

К вечеру ещё далеко. Солнце всё ещё жжёт. Пыль всё ещё скрипит на зубах.

Я смотрю на его спину и понимаю: он ненавидит то, что я такое.

Но почему-то спасает моё тело.

И эта загадка пугает меня больше, чем те, кто идёт по следу.

Глава 4

Артур

Верёвка на моей ловушке дёргается так, будто её зацепили ногтем.

Я уже на ногах, прежде чем успеваю вдохнуть. Кость в пальцах хрустит, когда я сжимаю рукоять ножа. Тень в овраге гуще ночи; костёр – единственное пятно света, и оно слишком маленькое, чтобы доверять ему.

Я замираю, слушаю.

Сверху, на кромке оврага, шуршит камешек. Ещё один. Потом тишина.

Не зверь. Зверь бы не остановился.

Я делаю шаг в сторону, так, чтобы меня не было видно из света. Прижимаю спину к холодной земле, вытягиваю шею, ловлю запахи. Сухая хвоя, холодный ветер, дым. И под этим – то, что я уже ненавижу узнавать: тонкая гарь и озон, спрятанные в человеческом дыхании.

Она.

Я почти ругаюсь вслух, но не трачу воздух. Воздух ночью дорог.

Шнур цел. Узел держит. Костяные бусины на сигналке молчат – значит, никто не прошёл по тропе. Ловушка не сработала. Или сработала моя собственная паранойя, как обычно.

Я обхожу овраг по краю – там, где камни режут подошву, а ветер пытается выбить тебя из равновесия. Смотрю вниз, в тёмную ложбину, где прячется костёр. Лёгкое движение в траве – и я уже готов прыгнуть, а это всего лишь ветер, который бродит по низу, как по пустому коридору.

ПТСР – слово, которого никто здесь не знает. Я тоже не люблю знать. Я просто называю это «не умирать».

Я спускаюсь обратно, ставлю ногу так, чтобы не хрустнуть камнем. Подхожу к своей яме с кольями – проверяю: ветки на месте, маскировка не провалилась. Силок справа затянут правильно. Если кто-то пойдёт сюда на прямой ноге – упадёт. Если кто-то пойдёт осторожно – это будет уже не случайный путник.

Я не воюю с армией. Я покупаю секунды.

Секунды – единственное, что у меня получается покупать без золота.

Я возвращаюсь к костру и первым делом смотрю на девушку.

Она спит, свернувшись на боку, как кошка, которую били слишком часто. Плащ на ней чужой – стариковский, грубый, пахнет пылью и травами. Капюшон упал, и медная прядь липнет к щеке. В свете огня волосы кажутся живыми – будто огонь не снаружи, а в ней.

Я отвожу взгляд.

Не потому что мне стыдно смотреть. Потому что смотреть – значит думать.

А думать о ней ночью – это всё равно что держать ладонь над углями и убеждать себя, что не обожжёшься.

Костёр потрескивает. Я приседаю, подкладываю сухую ветку – и тут же гашу пламя ладонью, чтобы оно не поднялось слишком высоко. Свет – это маяк для обычных людей. Для тех, кто идёт по следу, он просто удобство. И мне не нравится делать им удобно.

Я проверяю оружие. Нож на месте. Ремень цел. Клинок сухой. Провожу большим пальцем по обуху, будто это молитва. Не потому что верю в богов. Потому что верю в металл.

Проверяю небо.

Звёзды висят низко – будто их можно достать и раздавить пальцами. Красивые. Я ненавижу, что замечаю это. Красота в моей жизни обычно заканчивается как приманка.

Холодный ветер гуляет по низу оврага, цепляет кости, лезет под одежду. Днём пустоши жарят, ночью выедают из тебя тепло так же честно, как стягивают кожу с мяса.

В таких ночах люди умирают тихо. Без героизма. Просто перестают держаться.

Я слышу, как она всхлипывает.

Не громко. Не театрально. Просто короткий звук, будто её кто-то ущипнул изнутри.

Я напрягаюсь. Рука сама тянется к ножу, потом к земле – я ищу глазами следы выброса. Дым? Искры? Движение? Любой знак того, что сейчас придётся выбирать: бежать или удерживать.

Ничего.

Только её дыхание стало быстрее.

Она дрожит.

Я вижу это по тому, как плащ чуть подрагивает на её плечах. Тело пытается согреться, а вокруг только ветер и камень.

Внутри поднимается раздражение. На неё. На старика. На то, что они притащили в мою ночь чужую слабость.

И – хуже – что слабость эта настоящая.

Я говорю себе: не трогай. Не подходи. Не лезь. Пусть мёрзнет. Это её проблема.

Но в голове, как всегда, всплывает не мой голос.

Девочка.

Маленькая.

Она сидит в углу развалин, укрытая тряпкой, и губы у неё синие. Я протягиваю руки – и руки мои пустые, потому что я не умею согревать. Я умею только держать. Держать оружие. Держать линию. Держать слово.

Держать оказалось недостаточно.

Картинка вспыхивает и исчезает так быстро, что я даже не успеваю назвать её именем. Я давно запретил себе это имя. Как запрещают себе слабое место.

Я сжимаю челюсть.

Делаю то, что не требует нежности.

Пять шагов вправо – и мои сапоги натываются на камень, который я специально оставил у края. Я переворачиваю его носком. Камень тёплый. Он держит в себе дневное солнце, как жадный.

Запоминаю.

Подхожу к костру, выбираю плоский камень, который лежит ближе к углям. Он горячий, обжигает через кожу. Я поддеваю его носком сапога и, не наклоняясь, пинаю к ней – не сильно, чтобы не ударить, но достаточно, чтобы камень прокатился по земле и остановился у её бедра.

Тепло будет под боком. Не от меня.

Я вынимаю из мешка запасной плащ. Мой. Тот, который пахнет мной, потом и металлом. Плащ, который меня спасал в сотне ночей.

Держу его в руках секунду дольше, чем нужно.

Словно спорю с самим собой.

Потом резко бросаю его на неё – не касаясь кожи. Ткань ложится поверх её плеч, закрывает грудь, подбородок. Она вздыхает глубже, и на секунду дрожь становится меньше.

– Не сдохни, – шепчу я так тихо, что слышу только сам. – Мне не заплатят за труп.

Это объяснение для меня.

Потому что если сказать правду, я снова окажусь в развалинах. С пустыми руками.

Я отхожу на два шага и снова становлюсь тем, кем должен быть: сторожем.

Проверяю периметр ещё раз, хотя уже проверял. Паранойя – мой лучший друг. Паранойя не бросает.

Узкая тропа вниз перекрыта верёвкой с костяными бусинами – если кто-то пойдёт, они стукнутся и дадут звук. Слева – яма с колыями, замаскированная сухими ветками. Справа – силоч, чтобы сбить с ног. Простой, без изыска, но работает. Я люблю вещи, которые работают.

Когда я возвращаюсь к костру, старик уже спит. Он умудрился улечься так, чтобы спина была к камню, а лицо – к нам, как будто даже во сне хочет контролировать.

Я смотрю на него и чувствую знакомую колючую мысль: этот человек не так прост. Он слишком спокойно принял мои правила. Слишком легко отдал мне девушку, как будто отдавать – его профессия.

У него мягкий голос. У таких обычно ножи острые.

Я провожу ладонью по щетине. Кожа сухая, натянутая от ветра. Глаза сами снова ищут её, и я злюсь на это – на то, как быстро мозг выбирает слабое место.

Она укрыта моим плащом. Капюшон съехал ещё ниже, и я вижу шею.

И вижу то, от чего внутри что-то царапает.

Шрам.

Тонкая светлая полоска, неровная, как будто кожу рвали и потом кое-как сшили. На боковой стороне шеи, ближе к ключице. Такой не бывает от падения.

Я знаю этот тип шрама. Знаю по солдатам, которых пытали, чтобы они заговорили. Знаю по женщинам, которых ломали не ради информации, а ради удовольствия. Мир одинаково мерзкий в любых столицах.

Я резко отвожу взгляд, будто шрам – это клинок.

Но он остаётся у меня под веками.

Значит, не только она – опасность.

Значит, опасность уже была с ней.

С этим легче.

Потому что у меня есть правило: мне проще сочувствовать тем, кого били те, кого я ненавижу.

Я снова проверяю нож, будто нож может вырезать из головы это ощущение.

Костёр потрескивает, и тёплый звук обманывает. Ветер шевелит траву внизу, и от этого тень на земле дрожит, как живая.

Она вдруг тихо стонет.

Я напрягаюсь.

Её пальцы высовываются из-под моего плаща – тонкие, грязные. На кончиках пальцев проступает белое. Не свет костра.

Иней.

Я замираю так, будто кто-то наставил на меня арбалет.

Иней ложится на ногти, на кожу. Секунда – и он ползёт дальше, словно кто-то выдыхает зимний воздух прямо из её ладони. Ткань вокруг пальцев тускнеет, покрывается стеклянистой коркой. Земля рядом хрустит, будто кто-то рассыпал сахар.

– Чёрт, – выдыхаю я.

Страх.

Страх делает из неё то, что взорвало деревню. Я не видел эту воронку, но я слышал про такие следы. Остекленевшая земля, запах озона, мёртвая тишина. Пепел, по которому идут, как по дороге.

Если она сорвётся здесь, в овраге...

Я не успею даже поднять старика.

Я бросаюсь вперёд – и торможу сам себя на полушаге.

Не трогай.

Не хватай.

Контакт – это риск. Контакт – это паника. Паника – это выброс.

Я остаюсь в шаге от неё, смотрю, как иней лезет на ткань, как трава рядом с её ладонью темнеет и ломается.

И тут же – будто в ответ – у самого края плаща сухая травинка начинает тлеть.

Не огонь. Не вспышка.

Тление.

Слабое, коварное. Такое, которое заметишь только тогда, когда оно уже съело половину лагеря.

Магия во сне. Неуправляемая. Как кашель у больного – ты не выбираешь, когда он начнётся.

Она всхлипывает, и из горла вырывается звук, похожий на скулёж. Детский. Беспомощный.

Я сжимаю кулак.

Перед глазами снова – развалины, ледяной угол, синее лицо.

Нет.

Не сейчас.

Я поднимаю сапог и резко, точно, без лишних движений придавливаю тлеющую траву. Давлю до тех пор, пока не перестаёт пахнуть гарью. Ещё раз – контроль. Ещё раз – граница.

Потом носком сапога сминаю иней на земле – не потому что он опасен сам по себе, а потому что след. Любой след – это направление.

Сердце бьётся в горле так громко, что мне кажется: его услышат на кромке оврага.

Она не просыпается.

Только дыхание становится чуть ровнее, будто кошмар отползает обратно в темноту. Иней на пальцах тает медленно, будто стыдится собственного существования. Ткань плаща мокнет, темнеет.

Я стою над ней и понимаю, что в этот момент я не думаю о золоте.

Я думаю о том, как легко она может умереть.

И как легко я могу захотеть, чтобы она выжила не по контракту.

Эта мысль пугает больше магии.

Я отступаю назад, возвращаю себе дистанцию. Сажусь в тень, туда, где костёр не достаёт моих глаз. Там мне проще быть холодным. Там мне проще быть собой.

Пусть спит.

Завтра я снова буду сволочью. Завтра я снова буду говорить «правила», «темп», «не останавливаться». Потому что иначе мы не пройдем.

Но сегодня ночью я просто сторожевой пёс.

И этот пёс никому не отдаст свою добычу.

Глава 5

Лия

– Ты стараешься, – говорит Артур, и от его спокойного голоса мне хочется взвыть. – Но если сорвёшься – убьёшь нас. Думай.

Тимур стоит у прогнившей стены сарая и улыбается так, будто мы в тёплой школе, а не на заброшенной ферме, где пахнет старым сеном и мухами. Жужжание липнет к ушам, доски под ногами проседают, и каждый скрип будто предупреждает: ещё немного – и всё рухнет.

– Ещё раз, Лия, – мягко говорит Тимур. – Дыши. Чувствуй. Направляй.

Я вдыхаю. Выдыхаю.

Ничего.

Только пустота в груди и пот на висках.

Мы здесь с рассвета. Солнце ещё не успело подняться высоко, но жар уже забрался под кожу. В щелях сарая висит пыль, и когда я шевелю рукой, она поднимается тонкой завесой, будто сама ферма пытается спрятать меня от собственных ошибок.

Артур стоит в тени дверного проёма, руки скрещены, лицо каменное. Он не подходит близко. Как будто я заразная. Как будто я – не человек, а костёр без крышки.

Я помню, как два дня назад он накрыл меня своим плащом на привале. Тогда ткань пахла им: железом, дымом, сухой кожей. И мне стало теплее не только снаружи.

Утром он забрал плащ обратно так, будто ничего не было.

Я заставляю себя не думать об этом.

– Давай без спектакля, – бросает Артур. – Выброс энергии ты умеешь. Контроль – нет.

Стыд поднимается мгновенно, быстрый и горячий. Хуже боли в ногах, хуже голода.

Потому что он прав.

Я знаю, что внутри меня есть сила. Я видела, как она превратила землю в стекло. Я чувствовала этот холодный, чёрный размах – и до сих пор слышу его тишину.

Но сейчас, когда Тимур просит «направляй», я будто держу ладони над пустым котлом.

Нечему кипеть.

– Я пытаюсь, – говорю я, и голос звучит тоньше, чем мне хотелось бы.

– Пытается ребёнок, – отвечает Артур. И тут же добавляет, будто поправляет себя: – А ты должна уметь. Быстро.

Я сжимаю пальцы.

Под ногтями – грязь. На ладонях – застарелые ожоги и свежие царапины. Тело помнит руины. Тело помнит, как оно выжило, когда мир не должен был оставить меня живой.

И теперь это же тело стоит тут и не может выдать даже искру по команде.

– Артур, – мягко говорит Тимур, будто осаживает его, – ей нужно время.

Артур смотрит на старика так, будто время – роскошь, которой тут не продают.

– Времени нет, – отвечает он. – Ты это понимаешь. Она понимает?

Он переводит взгляд на меня.

Серые глаза – как нож в воде: холодный и правильный. Без лишнего.

– Понимаю, – говорю я.

И ненавижу, что это правда.

Тимур хлопает в ладони – негромко, но этот звук режет тишину, как щелчок кнута.

– Тогда ещё раз, – говорит он. – Лия, представь линию. Не взрыв. Линию.

Я смотрю на стену сарая.

Прогнившие доски. Между ними – щели, в которых шевелится пыль. Паутина. Мухи.

На полу валяется корыто, перевёрнутое набок. Ржавый гвоздь торчит из балки так нагло, будто ждёт крови. Где-то под потолком скребётся мышь, и этот звук раздражает сильнее, чем должен.

Всё это кажется таким... настоящим.

И мне вдруг хочется, чтобы оно исчезло.

Чтобы исчезло всё, что напоминает мне о том, что я могу разрушить – но не могу собрать обратно.

Я поднимаю руку.

Вдох.

Выдох.

Ничего.

Снова.

Ничего.

Я представляю линию. Ровную, тонкую. Как нить. Как лезвие.

Но внутри меня нет нити.

Внутри – ком.

Ком из страха, который я держу, чтобы не сдохнуть.

Ком из вины, которую я не имею права показывать.

Ком из желания... чтобы кто-то сказал: «я выдержу тебя».

Последнюю мысль я давя так, будто она тоже магия.

Артур хмыкает – почти неслышно.

И это становится последней каплей.

Не его смех – его уверенность.

Его взгляд, в котором я уже решена заранее: бомба, которая либо молчит, либо взрывает.

Меня обжигает стыд. Стыд превращается в злость – плотную, горячую, настоящую.

– Хватит смотреть на меня как на бомбу, – говорю я.

Артур приподнимает бровь.

– Тогда не будь ею.

Слова простые.

И они ломают мне дыхание.

В груди вспыхивает что-то такое, что не похоже на страх. Страх – холодный. Страх тянет вниз.

А это поднимает.

Это давит изнутри, как кипящая вода в закрытом котле.

Я шагаю к Артуру.

Доска под ногой жалобно скрипит, и Тимур сразу напрягается.

– Лия, – предупреждает он.

Я слышу в его голосе не заботу.

Ожидание.

Ему нужно, чтобы я показала. Чтобы он убедился. Чтобы он смог потом сказать: «видишь, без меня ты не справишься».

Я не дам ему этого.

Хотя именно это я сейчас и делаю.

– Ты думаешь, мне нравится? – спрашиваю я Артура.

– Мне всё равно, что тебе нравится, – отвечает он. – Мне важно, чтобы ты не убила нас по дороге.

Вот так.

Без злости. Без крика.

Как протокол.

И именно это меня рвёт.
Потому что я больше не могу быть протоколом.
Я не хочу.
Я поднимаю руку.
– Лия, – повторяет Тимур, и на этот раз это почти приказ.
Я не слушаю.
Гнев – это огонь, который наконец-то меня слышит.
Я выбрасываю ладонь вперёд.
Огонь не взрывается. Он режет.

Тонкая, злая полоса жара пролетает через воздух и срезает часть стены сарая в метре от Артура. Доски вспыхивают, как сухая бумага, и тут же оседают чёрной крошкой. Жар ударяет в лицо. Мухи взмывают облаком.

Я слышу собственный пульс – не в ушах, а прямо в пальцах.
Я вижу кромку огня – ровную, почти красивую.

Точную.
Гнев даёт форму.
И в ту же секунду я понимаю, какой ценой.

Секунда.

Две.

Я понимаю, что сделала.

И вместе с пониманием приходит откат.

Холод под кожей. Дрожь в коленях. Пустота в животе, как будто меня вывернули наизнанку.

Я открываю рот – и не могу вдохнуть.

Паника поднимается на краю сознания, пытается схватить меня за горло.

Вот оно.

Сейчас.

Если я дам ей подняться – страх возьмёт верх, а страх – хаос.

Я снова увижу воронку.

Я снова услышу ватную тишину.

Я снова...

Я отшатываюсь, и доски под ногами стонут.

Я вижу, как Артур не делает того, чего я ждала.

Он не бросается ко мне.

Не хватает.

Не прижимает.

Он отскакивает на шаг в сторону, как человек, который знает дистанцию до взрыва.

– Стоп, – говорит он.

Голос резкий. Командный.

Но он не орёт.

И это почему-то держит.

Он рывком сдёргивает с плеч плащ – свой, тёмный, плотный – и набрасывает ткань мне на предплечья, как петлю, но без узла. Следом – ремень.

Я не успеваю понять, как он делает это, потому что всё происходит быстро и чисто.

Ткань между нами.

Дистанция.

Его руки не касаются моей кожи.

Ремень фиксирует мои запястья через плащ так, что я не могу снова выбросить ладонь вперёд. Не больно. Жёстко.

Я пытаюсь дёрнуться – не от желания ударить, от желания сбросить чужой контроль.
Ремень держит.
И вместе с этим держит и меня.
– Дыши, – говорит Артур. – Смотри на меня.
Я смотрю – и вижу, что его лицо всё то же каменное.
Но глаза живые.
Они держат меня, как верёвка.
– Вдох на четыре, – говорит он. – Считай.
Я пытаюсь вдохнуть.
Воздух царапает горло. Пахнет гарью и старым сеном.
– Раз... – выдавливаю я.
– Четыре, – жёстко поправляет он. – Не сачкуй.
Раз.
Два.
Три.
Четыре.
Выдох.
Я чувствую, как дрожь в руках бьётся о ремень, как о клетку.
– Ещё, – говорит Артур.
Я вдыхаю снова.
Считаю.
Стыд давит. Злость ещё дымится. Но страх не успевает подняться.
Потому что он не даёт.
– Земля, – говорит Артур. – Ладонями к земле.
– Я не могу, – шепчу я, показывая ремень.
– Можешь, – отвечает он. – Сгибайся.
Он не толкает меня. Не тянет. Просто держит ремень так, чтобы я понимала: это не угроза, это рамка.
Я сгибаюсь, колени почти подламываются, и кладу ладони на пыльный пол сарая.
Грязь холодная.
И это – хорошо.
Как будто она забирает часть жара изнутри.
Я чувствую, как пальцы начинают неметь от холода, и в этом есть спасение.
– Вот так, – говорит Артур тише. – Дыши. Считай. Держи взгляд.
Я дышу.
Считаю.
Внутри постепенно становится не так страшно.
Не пусто – это не уйдёт.
Но хотя бы не рвёт.
Тимур где-то сбоку молчит. Я чувствую его присутствие, как запах – сладкий и опасный.
Он не вмешивается. Он смотрит. Учится.
Я поднимаю голову.
Артур стоит в шаге. Руки на ремне. Дистанция соблюдена.
– Хорошо, – говорит он.
Это слово режет сильнее огня.
Потому что «хорошо» – значит, он видел хуже.
– Я... – начинаю я.
– Потом, – отрезает Артур. – Сейчас – выключай.
Я снова кладу ладони на землю и вдыхаю ещё раз.

Считаю.

Внутри, под рёбрами, гнев всё ещё ворочается. Но теперь он не хозяин. Он инструмент. Я вдруг понимаю это так ясно, будто кто-то щёлкнул замком.

Гнев даёт мне точность.

И гнев же сжигает меня изнутри, если я держу его слишком долго.

Я выдыхаю, и вместе с выдохом дрожь становится слабее.

Артур ослабляет ремень. Не сразу. По миллиметру.

Проверяет.

Потом отпускает полностью и отходит на шаг, будто разрывает нитку между нами.

– Вставай, – говорит он.

Я пытаюсь подняться, но ноги ватные. Меня ведёт в сторону.

Артур протягивает руку.

Секунда.

Я вижу его ладонь: мозоли, шрамы, грязь под ногтями. Та же грязь, что и у меня.

Я должна была ударить эту руку. Оттолкнуть. Сказать, что мне не нужно.

Но я знаю цену падения.

Я принимаю.

Его пальцы сжимают мою ладонь крепко, но не больно. Он помогает встать и сразу отпускает.

На моих запястьях остаются следы ткани – полоски грязи, не синяки.

– Неплохо, – говорит Артур, словно ему неприятно это признавать. – Теперь учимся выключать быстрее.

Я сглатываю.

– Я могла тебя...

– Могла, – перебивает он. – Не стала.

– Я не хотела.

– Хотела, – говорит он ровно. – Просто не меня. Суть разницы.

Я смотрю на выжженную стену. На чёрные края досок. На дым, который лениво ползёт вверх и цепляется за щели в крыше.

Это – след.

Маленький, но настоящий.

Ошибка.

Цена.

Тимур наконец подходит ближе, осторожно, как к зверю, который только что показал зубы.

– Видишь? – говорит он мягко. – Гнев даёт форму.

– Гнев даёт дыру, – отвечаю я.

Он улыбается, будто это одно и то же.

– Дыра – тоже форма, дитя моё.

Меня передёргивает.

– Не называй меня так.

Тимур на секунду замирает. Потом улыбается ещё мягче.

– Хорошо, Лия.

Артур смотрит на нас двоих так, будто слышит в этой мягкости что-то, чего я пока не могу назвать.

– Убираем, – говорит он.

– Что? – не понимает Тимур.

– След, – отвечает Артур. – Дым. Обгоревшее. Всё, что видно издалека.

Он не ругается. Не обвиняет. Просто снова включает протокол.

Я сглатываю ещё раз. Горло сухое, как песок.

– Я не... я не думала, что так будет видно.

– Ты думаешь, когда тебе стыдно, – говорит Артур. – А когда ты злишься – ты режешь стены. Поняла связь?

Я киваю.

Стыдно.

Потому что снова – да, он прав.

Артур не подходит к огню. Он берёт длинную палку и скидывает обугленные доски внутрь сарая, ломая их так, чтобы всё выглядело как старое обрушение. Потом поддевает ногой ведро – сухое, пустое – и переворачивает его, будто здесь и так была куча мусора.

– Вода есть? – спрашивает он.

Тимур кивает на колодец во дворе.

– Только если он не пересох.

Артур бросает мне взгляд.

– Можешь идти?

Вопрос звучит не как забота. Как проверка.

Но я слышу под ним другое: он не хочет тащить меня сейчас. И я не хочу быть той, кого тащат.

– Могу, – говорю я.

Ноги ватные, но держат.

Я выхожу во двор, и солнце бьёт в глаза. Ферма мёртвая: пустой загон, сломанная телега, трава в колючках. Пахнет сухой землёй и навозом, который давно перестал быть свежим. Мухи здесь жирные и наглые.

Колодец действительно почти пустой. Внизу – вода, мутная, но вода.

Я опускаю ведро и слышу, как цепь скрипит. Этот звук неприятно напоминает мне ремень на запястьях.

Я вытаскиваю ведро, руки дрожат. Не от тяжести. От отката.

Вода проливается на ноги, холодит. Я почти благодарна.

Я возвращаюсь в сарай и выливаю воду на обугленный край стены. Дым шипит и оседает. Запах гари смешивается с запахом мокрого дерева.

– Ещё, – говорит Артур.

Я снова выливаю. Потом ещё.

Он берёт мокрую землю и размазывает её по чёрным краям, как штукатурку. Грязно, неаккуратно, но быстро.

– Это не спрячешь полностью, – говорит он. – Но можно сделать так, чтобы это выглядело старым.

– А если они увидят? – спрашиваю я.

Артур смотрит на меня.

– Тогда они увидят, что маг рядом, – отвечает он. – И ускорятся.

От этих слов у меня внутри всё снова стягивается. Не страхом – пониманием.

Мы не просто учимся.

Мы оставляем следы.

И каждый след – это шаг навстречу тем, кто идёт.

Тимур кладёт ладонь мне на плечо – мягко. Слишком мягко.

– Ты сделала важный шаг, – шепчет он. – Ты выпустила силу осознанно.

Я дёргаюсь, сбрасываю его руку.

– Я едва не убила его.

– Но не убила, – отвечает Тимур. – Значит, в тебе есть выбор.

Выбор.

Слово сладкое.

И опасное.

Артур, будто слышит это слово, шагает ближе – не ко мне, к ситуации.

– Выбор – это когда ты можешь остановиться сама, – говорит он. – Без ремня.

Я смотрю на свои запястья. На грязные полоски ткани.

– Ты сделал правильно, – говорю я тихо. И тут же ненавижу себя за эти слова.

Артур не отвечает сразу.

– Я сделал то, что должен, – говорит он. – Чтобы ты не превратила нас в стекло.

Я киваю.

Сильное колдовство всегда берёт своё.

Я чувствую это сейчас: руки дрожат, в животе пусто до боли, а под кожей холод – будто меня обложили льдом изнутри.

И всё равно где-то глубоко, под этим холодом, остаётся маленькая искра.

Не хаос.

Не страх.

А понимание.

Я поднимаю глаза на Артура.

Он боится моего огня.

И всё равно учит меня жить с ним.

– Я могу драться, – говорю я тихо. – Но мне нужен контроль.

Артур кивает один раз.

– Наконец-то.

И в этом «наконец-то» есть обещание.

И угроза.

Потому что если я не научусь – он не спасёт меня второй раз.

Глава 6

Артур

Болт входит в плечо так буднично, будто кто-то просто хлопает меня по спине – и только через долю секунды боль догоняет, разрывая мясо горячей спиралью.

Я захлёбываюсь воздухом. Лесная лощина сжимается вокруг: густые тени, влажная земля под сапогами, крик испуганной птицы где-то сверху – короткий, рваный. Потом – звон стали. Уже близко.

– В укрытие! – рявкаю я, и голос выходит ниже, чем должен.

Лия стоит в двух шагах, как будто не понимает, куда делось время. Янтарные глаза широкие, слишком светлые в сумерках. Тимур рядом – и это хуже всего: он пытается заслонить её собой, старым телом, как будто возраст – щит.

Я толкаю Лию к ближайшему дереву. Не мягко. Не красиво. Так, чтобы она упала за ствол и исчезла из линии.

– Сиди. Тихо. По моей команде! – бросаю я, не глядя, потому что смотреть на неё сейчас – роскошь.

Второй болт свистит мимо уха и вгрызается в кору. Дерево вздрагивает, как живое.

Я разворачиваюсь в сторону выстрела – и мир становится простым. Три фигуры в сером, без плащей, без лишних тряпок. Не деревенская стража. Не случайные охотники. Они двигаются слишком ровно, слишком уверенно, будто каждый шаг уже отрепетирован.

Элита.

Кровь течёт по рукаву тёплой дорожкой. Рука немеет, но я заставляю пальцы работать. Нож выходит в ладонь сам.

Первый идёт на меня прямо, щит высокий, лезвие короткое. Второй держится чуть сбоку, готов ловить меня на ошибке. Третий – с арбалетом, уже перезаряжает, но делает это так быстро, что мне хочется плюнуть: не мальчишки.

Я шагаю вбок, ближе к низине. Земля здесь мягче, ноги могут проскользнуть – но и чужие тоже. Мне нужен угол. Мне нужна грязь.

Я хватаю горсть песка с мокрой землёй и бросаю в лицо первому. Грязь не убивает. Грязь даёт полсекунды.

Он моргает. Я врезаюсь в него плечом – боль взрывается в ране, будто кто-то вкручивает болт глубже, – но я держусь. Локтем бью в горло, слышу хрип. Нож коротко входит под ребро, без красивых движений. Только работа.

Он оседает, тяжёлый, тёплый, чужой.

Второй уже рядом. Его наручи блестят в сумерках чёрным, не металлом. Obsidian. Гладкий, как стекло. Я замечаю это машинально – и мозг сразу складывает картину: их сюда прислали не просто резать. Их сюда прислали брать мага.

Гасить.

Я слышу за спиной тонкий звук – будто Лия вдыхает слишком резко.

Не сейчас.

Я хочу сказать ей: не смей. Не выпускай. Здесь лес, здесь открытое небо, здесь любой столб света станет им подарком. Но я не могу говорить слишком много. Любое слово – потерянный шаг.

Второй рубит сверху. Я подставляю щит, и удар отдаёт в руку так, что пальцы почти разжимаются. Болт в плече дёргается, и в голове белеет. Я стискиваю зубы.

Третий с арбалетом уже поднял оружие. Он целится не в меня.

В Тимура.

Я вижу это слишком отчётливо: как выпрямляется его плечо, как замирает рука на спуске, как глаза считают расстояние.

– Тимур! – выкрикиваю, и голос ломается в конце.

Старик поворачивает голову поздно. Болт входит ему под ключицу, и он падает на колени, будто просто устал.

Лия из-за дерева издаёт звук – не крик, не слово. Сдавленный вдох, который может стать страхом.

Я не имею права дать ей страх.

Я закрываю её собой.

Шаг назад – так, чтобы мой корпус оказался между ней и стрелком. И тут же чувствую второй удар: второй инквизитор с обсидиановыми наручами бьёт в щит и пытается продавить меня вниз. Он хочет сблизиться.

Я не даю.

Ножом режу по его бедру – неглубоко, но больно. Он шипит, и в этом шипении слышится не ярость, а дисциплина. Он не ломается, он корректирует.

Это не бой. Это охота.

В лесу пахнет свежей кровью. Пахнет железом и смолой. Мой пот смешивается с чужим, и от этого воздух становится густым.

– Не стой! – рявкаю я Лии, не оборачиваясь. – Сиди!

Я слышу, как она шевелится – и тут же замирает. Молодец. Или просто парализована.

Третьего с арбалетом я должен убрать первым, иначе он будет прошивать нас, как мешки.

Я резко ухожу в сторону, будто бегу на второго. Второй ведётся, шагает, пытается поймать меня на сближении – и я, пользуясь его движением, кидаюсь к стрелку.

Стрелок не отступает. Он спокойно бросает арбалет на ремень и достаёт короткий клинок. Тоже не мальчик.

Мы сталкиваемся на грязи. Он режет по ребрам, я ухожу на полшага, но лезвие всё равно цепляет – не глубоко, но неприятно. Я отвечаю коленом в живот. Он не складывается – просто выдыхает резко и ударяет меня рукоятью в висок.

Мир звенит.

В ушах стук. На языке металл. На секунду я вижу звёзды не там, где они в небе, а прямо в темноте перед глазами.

Я моргаю и заставляю себя остаться на ногах.

В этот момент я замечаю его.

На холме, выше лощины, стоит фигура. Чёрная на фоне сереющего неба. Одежда слишком ровная для леса. Голова чуть наклонена, будто он смотрит на нас как на разложенные на столе инструменты.

Дарнелл.

Я не знаю, откуда во мне появляется эта уверенность. Наверное, потому что такие не пачкают руки. Такие поручают грязь другим и стоят в стороне, чтобы видеть картину целиком.

Он не спускается.

Он наблюдает.

И от этого у меня внутри поднимается холод, которого не должно быть среди крови и жара.

Значит, им не нужно меня убить прямо сейчас.

Им нужно проверить.

Понять, насколько «объект» опасен. Насколько она умеет.

И это значит одно: они будут давить до тех пор, пока она не покажет себя.

Я отступаю назад, ближе к дереву, за которым Лия. Мой щит уже тяжёлый, рука горит. Болт в плече словно врос.

– Лия! – говорю я уже тише, но так, чтобы она услышала. – Не смотри. Дыши. Считай. Слова из её тренировки. Слова из фермы. Протокол, который мы выковыряли из её паники.

Я слышу, как она судорожно втягивает воздух.

– Тимур... – шепчет она.

Старик лежит на боку, пытается подняться. Рука у него дрожит. Лицо белое. И в этой белизне нет мудрости. Только возраст.

Второй инквизитор снова идёт на меня. Он хочет в ближний. Его обсидиановые наручи блестят, как ночная вода. Я чувствую отвращение – не к нему, к самому факту, что они придумали, как подходить к магам, не будучи магами.

Мир всегда находит способ сделать боль эффективной.

Я встречаю его удар щитом и тут же атакую снизу. Нож скользит по его наручу и уходит в пустоту – как будто я ударил камень. Он специально подставляет наруч. Он знает, что я бью туда, где мягко.

Значит, они тренированы. Значит, у них есть протокол против таких, как она.

Ещё один удар – по щиту, по голове. Я чувствую, как меня качает. Кровь из плеча течёт сильнее, и рукав мокрый до локтя.

Третий – тот, кого я почти достал, – снова поднимает арбалет. Перезарядил. Чёрт.

Он целится теперь в меня. Хорошо. Пусть.

Я бросаюсь вперёд, чтобы сбить линию. Болт всё равно вылетает – и попадает в край щита. Дерево трескается, и удар отдаёт в руку так, что пальцы немеют.

Я злюсь. Злость – это топливо. Злость помогает держаться на ногах, когда тело уже говорит «хватит».

Но злость не лечит дыру в плече.

Второй инквизитор делает финт и бьёт по моим ногам. Я прыгаю, едва успеваю. Щит уходит в сторону. На секунду я открыт.

И в эту секунду я слышу, как Тимур хрипит.

Я поворачиваю голову – и вижу, что третий уже у старика. Клинок прижат к горлу. Не режет. Держит.

Тест.

Лия шевелится, будто хочет броситься.

И замирает.

Я вижу это краем глаза: её плечи поднимаются, потом опускаются. Она стоит за деревом, как тень себя самой. Янтарь в глазах потускнел. Там сейчас пусто.

Замри – и тебя не увидят. Старый инстинкт жертвы.

Меня это бесит до боли.

Потому что я знаю: её увидят. Её уже давно видят.

– Лия! – рявкаю я. – Не стой!

Но она не двигается.

Второй инквизитор пользуется этим. Его клинок находит щель, и я не успеваю закрыться. Удар приходится в плечо – туда же, где болт. В мир врывается белая боль, и я падаю на колени.

Грязь холодная. Лицом я почти в ней. Щит выскользывает из пальцев. Кровь течёт по виску, по брови, заливают глаз.

Я моргаю, но красное не уходит. Оно только расплывается, как туман.

Звон стали становится глухим, будто я под водой.

Я слышу, как Дарнелл что-то говорит сверху – спокойно, без крика. Я не разбираю слов. Но тон такой, каким говорят в аудитории, когда объясняют студентам строение человеческого тела.

Тело.

Моё.

Враг поднимает меч.

Я вижу лезвие – линию света в сумерках. И понимаю, что я опоздал. На секунду. На одну долбаную секунду, которую нельзя купить даже за весь кошель.

Я сплёвываю кровь. Вкус железа возвращает ясность.

Я поднимаю глаза – туда, где дерево, где Лия.

Она смотрит на меня.

И в этом взгляде нет паники. Нет пустоты. Есть выбор, который созревает прямо сейчас, как удар.

– Беги, – хриплю я. – Сейчас!

Я жду, что она сорвётся в лес, как я учил. Что она сделает правильно. Что она спасётся хотя бы сама.

Но она не бежит.

Она шагает вперёд.

Её глаза вспыхивают янтарным огнём – не хаосом, не страхом.

Решением.

Глава 7

Лиля

– Нет!

Слово вырывается из меня не голосом – жилой. Я даже не понимаю, кричу ли вслух или это внутри черепа. Время рвётся и тянется, как мокрая ткань. Сердце стучит в ушах так громко, будто пытается пробить выход наружу.

Клинок над Артуром уже в движении.

Я вижу это странно чётко: линия металла, вспышка света на кромке, капля крови на его губе, грязь на его колене. Он стоит на одном колене, лицо в крови, глаз залит красным туманом. И всё равно он смотрит на меня.

Не просит.

Приказывает.

– Беги... – хрипит он.

Его голос будто цепляет меня за горло. Не как «спасайся». Как «живи». Как привычка, которую он пытается вбить мне в кости.

Я должна.

Должна сделать правильно. Должна исчезнуть. Должна не дать им то, зачем они пришли.

Но клинок уже почти касается его шеи.

И внутри у меня не страх.

Страх – это лёд, который растёт быстро и слепо. Страх – это воронка и ватная тишина.

Страх – это я, которая убивает всех вокруг, чтобы выжить.

Сейчас во мне другое.

Сейчас во мне ярость за него – но не та ярость, что на ферме резала стену. Там я хотела доказать, что меня нельзя. Там я хотела ударить.

Сейчас я хочу удержать.

Не дать.

Не отдать.

Мир сужается до одной точки – до рук инквизитора. До его запястья, где кожа выпячивается из-под чёрного наруча. До пальцев, которые сжимают рукоять, уверенные, что им позволено.

Я вспоминаю слова Тимура – «направляй». Они звучат где-то сбоку, липко и сладко, но я отталкиваю их. Не сегодня.

Я вспоминаю другое.

Артур: «Не геройствуй. Предупреждай. Дыши. Считай».

Я дышу.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

И вместо того чтобы взорваться, я представляю линию.

Не столб.

Не шар.

Не пожар.

Линию.

Хлыст.

Тонкий, как мысль. Горячий, как мой гнев – но управляемый, потому что в этот гнев вплавлено чувство, от которого мне хочется выть: если он умрёт, я останусь одна с собой. С той собой, которая уже умеет убивать.

Я выбрасываю руку вперёд.

Огонь выходит из ладони не взрывом.

Плетью.

Она шипит, как живая, и воздух вокруг неё дрожит. Я чувствую, как она тянет из меня тепло, как вытягивает из груди что-то плотное и острое. Откат уже стоит за спиной – я знаю, он придёт, как приходит голод после сильной магии. Но сейчас мне плевать.

Плеть обвивает запястье инквизитора.

Не его горло.

Не его лицо.

Запястье.

Там, где рука держит клинок.

Я вижу, как огонь прожигает край доспеха, как металл на секунду краснеет, как кожа под ним вспухает. Слышу вопль – короткий, злой, не человеческий, как у зверя, которого прижали капканом.

Клинок падает.

Звон стали режет сумерки. Где-то снова кричит птица – тонко, истерично, будто лес сам в ужасе от того, что я сейчас делаю.

Инквизитор отдёргивает руку, пытается сорвать плеть. Но она держится секунду дольше, чем нужно. Я отпускаю её сама, обрываю, как обрывают нить, чтобы не тянуть дальше, чтобы не сорваться в «ещё».

Я не хочу убить его.

Я хочу, чтобы он не убил Артура.

Артур падает плечом в грязь, но живой. Я вижу, как его грудь дёргается в вдохе – резком, болезненном. И у меня внутри что-то проваливается, как камень в воду: я успела.

Я успела.

Это слово не приносит облегчения. Оно приносит новую реальность: я только что показала им.

Инквизитор, обожжённый, отступает на шаг. Его наручи – чёрные, гладкие – блестят в сумерках. Обсидиан. Камень, который не должен быть на руках у человека, если он хочет жить долго. Камень, который, говорят, гасит магию, если подойти слишком близко.

Он всё равно подходит.

Он поднимает второй клинок – короткий, для ближнего. Его движения снова становятся ровными. Боль не ломает его. Она только делает его осторожнее.

И именно в эту секунду я слышу голос сверху.

– Достаточно.

Он не громкий. Он не рвёт воздух. Он просто есть – как холодный металл на языке. Вежливый голос человека, который никогда не повышает тон, потому что мир и так подчиняется ему.

Я поднимаю взгляд и вижу силуэт на холме.

Дарнелл.

Лицо далеко, но я чувствую его взгляд кожей – как если бы на меня направили зеркальный щит. Он стоит чистый, сухой, будто не лес вокруг, а кабинет. И рядом с ним тень – ещё кто-то, но это не важно. Важно, что он – тот, кто решает.

– Мы увидели, что хотели, – продолжает он так же спокойно.

Инквизитор замирает.

На секунду в воздухе повисает невозможное: они могут отступить. Они могут просто уйти, оставив нас живыми.

Я не верю.

Я жду второго удара. Жду арбалетного болта, который прилетит мне в горло, потому что магов не оставляют живыми. Жду, что это ловушка.

Но Дарнелл поднимает руку – жест маленький, почти ленивый.

И двое, что были в тени, отступают. Быстро. Без ругани. Без «прикрывай». Как хорошо обученные части тела, которые слушаются мозга.

Обожжённый инквизитор смотрит на меня ещё секунду – и в этом взгляде нет страха. Есть злость и какая-то неприятная оценка, будто я – вещь, которая сработала.

Потом он тоже отступает.

Тишина после боя не похожа на мир.

Она звенит.

Слишком пустая. Слишком тонкая.

Запах свежей крови встаёт в горле железом. Я чувствую его так, будто проглотила монету и она застряла поперёк дыхания. Земля под ногами мокрая и холодная. Где-то рядом шуршит листва – но это уже не шаги, а просто ветер, который вернулся в свою работу.

Я стою и не двигаюсь, потому что если двинусь, я могу упасть.

Откат накрывает меня волной – сначала холодом, потом дрожью. Руки становятся чужими. Пальцы немеют. Во рту сухо так, будто я жевала пепел.

Я шагаю к Артуру – и мир качается. В ушах стучит сердце. Каждый удар – как «ты ещё жива». Как «не смей падать».

Артур лежит на боку, зажимает плечо. Болт всё ещё там. Кровь течёт по рукаву густой тёмной полосой. Он пытается подняться, но тело предаёт – плечо не держит, и он снова оседает в грязь.

– Артур... – говорю я, и голос звучит слишком тонко.

Он поворачивает голову. Серые глаза – те самые мёртвые – сейчас не мёртвые. Сейчас они злые. Живые. Упрямые.

– Ты... – выдыхает он и кашляет, сплёвывая кровь. – Ты чокнутая.

Я почти улыбаюсь – не радостью. Облегчением, которое рвётся наружу и тут же превращается в стыд. Потому что это не смешно. Потому что он мог умереть.

Я опускаюсь рядом, колени в грязи. Запах земли бьёт в нос, и этот запах вдруг становится спасением: он настоящий. Он держит.

– Ты сказал бежать, – хриплю я.

– Я сказал жить, – отвечает он так же хрипло и пытается подняться на локте. – А ты выбрала... вот это.

Он кивает куда-то в сторону – на обожжённую траву, на следы боя, на воздух, который ещё пахнет моим огнём.

– Я выбрала тебя, – слова выскакивают сами, и от них у меня внутри что-то обрывается.

Я слышу, как они звучат. Слишком голо. Слишком прямо. Как если бы я сняла с себя плащ посреди дороги и осталась без защиты.

Артур молчит секунду.

И в этой секунде я понимаю: я не должна была так говорить. Мы ещё не там. Мы вообще никуда не дошли. Мы просто выживаем.

Но слова уже сказаны. Они висят между нами, как горячий воздух после удара.

– Тимур... – вспоминаю я и резко оборачиваюсь.

Старик лежит чуть дальше, у дерева. Он дышит. Слава всем молчаливым богам. Болт в груди – кровь вокруг, но он жив. Его глаза открыты. Он смотрит на меня так, будто видит именно то, что хотел увидеть.

Будто я – инструмент, который наконец-то показал свою форму.

Меня тошнит.

Не от крови. От этого взгляда.

– Не сейчас, – рычит Артур, будто читает мою мысль. – Сначала – ты.

Я смотрю на него непонимающе.

– Ты сейчас рухнешь, – говорит он. – И если ты рухнешь, они вернутся и соберут нас, как падаль.

Он пытается звучать цинично, как в таверне. Как в протоколе.

Но я слышу под этим другое: он не хочет, чтобы я падала. Не здесь.

Я пытаюсь встать. Ноги ватные. Мир плывёт. Я хватаюсь за воздух, как за верёвку, и понимаю, что верёвки нет.

Артур протягивает здоровую руку.

Та же рука, которая держала ремень через ткань. Та же рука, которая никогда не ласкает – только фиксирует.

Я смотрю на неё и вдруг вижу не руку.

Я вижу признание.

Если я возьмусь – я приму, что между нами есть связь. Не романтическая. Не сладкая.

Боевая.

Жёсткая.

Настоящая.

Я беру.

Его пальцы сжимают мою ладонь крепко, но без боли. Он тянет меня вверх, и я поднимаюсь, дрожа всем телом. Мой огонь где-то внутри всё ещё дышит – слабой искрой, которую я боюсь потревожить.

Я стою. Дышу. Считаю про себя, потому что иначе закружится голова.

– Ты спасла меня, – говорит Артур глухо.

Это не благодарность. Это факт. Фиксация.

И в этой фиксации что-то меняется.

До этого я была грузом. Проблемой. Контрактом.

Сейчас я – причина, по которой он ещё жив.

Мне хочется сказать: «я не хотела». Как я говорила в руинах. Но это будет ложью. Я хотела.

Я хотела, чтобы он не умер.

И от этого хочется одновременно плакать и смеяться – но я не делаю ни того, ни другого. Потому что слёзы – это слабость, которая может стать страхом. А страх я больше не выпускаю.

Я поднимаю взгляд на холм, где стоял Дарнелл.

Его уже нет. Только тень деревьев и сумеречное небо. Но ощущение его взгляда остаётся, как холод на коже после воды.

«Мы увидели, что хотели».

Что именно?

Я сглатываю.

Артур рядом качается, но держится. Его рука всё ещё в моей – не потому что он хочет касаться, а потому что так легче стоять. И это касание вдруг становится слишком личным. Нежным. Личным.

– Пойдём, – говорит он. – Пока у нас есть ноги.

Я киваю, потому что если начну говорить, у меня сломается голос.

Мы шагаем.

И в этом шаге я чувствую сразу две вещи.

Первое: я только что спасла его.

Второе: теперь они точно будут охотиться быстрее.

Глава 8

Артур

– Перестань. Ты бинт на себя наматываешь, как верёвку на колышек.

Лия замирает, держа зубами край ткани. Правая рука дрожит, левую она пытается прижать к груди так, чтобы не касаться ожога. Упрямство у неё в позвоночнике, не в голосе: молчит, но не отпускает.

– Дай сюда, – говорю я.

Она медленно вытаскивает бинт изо рта и смотрит на меня так, будто я сейчас заберу у неё не ткань, а последнюю возможность быть полезной.

– Я могу сама.

– Можешь. Но плохо, – отвечаю ровно и тяну руку.

Лия не сразу, но протягивает бинт. Я беру его двумя пальцами – не потому что брезгую. Потому что привык держать дистанцию от чужой боли. От чужих причин.

В пещере тихо. Не та тишина, что в руинах после выброса, – мёртвая. Здесь другая: влажная, каменная, рабочая. Она съедает звук, как мокрая ткань. Слабые угли светят низко, рыжими точками, и от них пахнет дымом и камфорой – лечебной мазью, которой Тимур когда-то лечил солдатские раны, не задавая вопросов.

Тимур спит в углу, на подстилке из плащей и веток, неудобно, почти сидя, будто даже во сне боится потерять контроль. Нога забинтована толсто, повязка темнеет по краю. Дыхание тяжёлое, с хрипом, но ровное. Живой – уже хорошо.

Я сажусь ближе к углям, но не в свет. Свет – это привычка, которую сложно выкорчевать: хочешь видеть вход, хочешь видеть, кто подходит. Я проверяю каменный выступ у выхода – там, где я положил два острых обломка так, чтобы кто-то босой или в мягкой обуви пожалел о своей идее войти тихо. Верёвка с костяными бусинами натянута низко. Если тронут – услышу.

Потом только я позволяю себе сесть нормально.

Сесть – значит признать, что я больше не бегу.

А я всё ещё бегу внутри.

Плечо горит так, будто там живёт уголь. Болт я вытащил уже в лесу, на ходу, не глядя, одной рукой, когда Лия держала мне спину и пыталась не упасть от отката. Это было грязно, быстро, правильно. Но теперь адреналин ушёл, и в теле осталась правда: дырка в мясе, кровь, которая успела подсохнуть и стянуть кожу, и боль, которая не спрашивает, можно ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.